

Ирина Хакамада:

«Я против того, чтобы негосударственные общественные организации превращались в политические партии»

Профессиональный экономист, кандидат экономических наук Ирина Хакамада выбрала карьеру профессионального политика и немало в ней преуспела. В 90-е годы она не раз становилась депутатом Государственной думы РФ, работала в комитете Госдумы по экономической политике и была членом делегации Государственной думы РФ в Парламентской ассамблее Совета Европы. С 2000 по 2003 год работала заместителем председателя Госдумы, являясь одновременно сопредседателем политической партии «Союз правых сил».

В конце 1996 года журналом «Тайм» она была включена в число 100 самых известных женщин мира. По результатам социологических опросов в 1997–2003 годах названа Женщиной года, а в 1999 и 2002 годах Ирина победила в этой номинации.

На президентских выборах 2004 года выдвигала свою кандидатуру на пост Президента Российской Федерации.

В настоящее время Ирина Хакамада является сопредседателем Российского общественного совета по развитию образования, членом Совета по внешней и оборонной политике, членом комитета «2008: свободный выбор», возглавляет попечительский совет благотворительного международного фонда VALE Hospice International. Создает новую российскую демократическую партию «НАШ ВЫБОР».

Активно занимается спортом. Любит классическую музыку – Моцарта, Вивальди и кинофильмы Андрея Тарковского, а также творчество Маргариты Тереховой, Инны Чуриковой, Андрея Макаревича. Имеет двоих детей – сына и дочь. Владеет английским и французским языками.

– До сих пор, к сожалению, среди ученых-обществоведов, социологов и политиков нет единого мнения о том, как следует трактовать термин и понятие «гражданское общество». А по Вашему мнению, чем является гражданское общество и чьи интересы оно должно представлять?

– Это организация общества в негосударственных общественных формах по интересам. Если есть интересы, которые могут быть объединены, и они добровольно объединяются, то возникает не просто аморфная масса, а структурированное общество. Интересы могут быть разными: иногда это профессиональные интересы, иногда – жизненные, бывают интересы обиженных («обиженные» всех одинаково). Может быть все что угодно: может быть и организация любителей пива, а может быть организация одиноких матерей или организация малого и среднего бизнеса.

– Общество и политический истеблишмент в развитой, цивилизованной стране не могут сосуществовать в «параллельных мирах». А уж тем более они не могут находиться в состоянии некоего противоборства. Поэтому совершенно очевидно, что необходим постоянный диалог между обществом и профессиональными политиками. Как, по вашему, должно осуществляться

взаимодействие между политическими партиями и гражданскими институтами?

– Я считаю, что инициатива такого взаимодействия должна идти не от партий. Гражданское общество само должно налаживать этот диалог, включая инструмент своего влияния. Как делают, например, в Америке учителя? Они создали сеть по всей стране и поэтому обладают влиянием. Каким? Голосами. И потом подписывают договор с одним из претендентов на пост президента: вот наша программа, мы хотим, чтобы вы ее реализовали. Вы согласны? Кандидат подписывает. Вы нам гарантируете, что мы будем участвовать в заседаниях вашей администрации и конгресса по этим вопросам. Подписываете? Если да, тут же все члены этого общества по всей Америке надевают специальные значки с символикой соответствующего кандидата. То есть начинают агитацию, не прося денег. Они ничего не просят ни у президента, ни у правительства, ни у партий. Они используют свой ресурс, потому что они друг друга знают, и у них идет интенсивный «сарафанный», межличностный обмен информацией, и такая организация реально гарантирует и обеспечивает кандидату поддержку, и поддержка эта очень серьезная.

– Что Вы как лидер политической партии «НАШ ВЫБОР» можете предложить гражданскому общест-

ву? Могут ли представители институтов гражданского общества, например через те же партийные списки, участвовать в выборах и войти в законодательные органы власти?

– Я против того, чтобы негосударственные общественные организации превращались в политические партии и ставили себе целью использовать гражданские структуры как первый этап для того, чтобы потом превратиться в какое-нибудь политическое движение и участвовать в выборах. Потому что это разные функции: политическая партия идет во власть, чтобы взять власть. Гражданское общество аккумулирует интересы общественных групп, чтобы вести диалог с властью.

– Но ведь политические партии – это особый и единственный институт гражданского общества, который, согласно российскому законодательству о выборах, имеет право и возможность выдвигать своих кандидатов в федеральные и региональные органы власти и таким образом представлять и защищать интересы других многочисленных институтов гражданского общества.

СПС на прошлых выборах проиграл. Избиратели его не поддержали. Судя по Вашим недавним заявлениям, сейчас Вы скорректировали свою предвыборную позицию и

Беседа С. Абакумова с И. Хакамада в штаб-квартире партии «НАШ ВЫБОР»

программу. Главная цель партии, лидером которой Вы являетесь, сформулирована Вами так: «Россия как государство свободы и социальной справедливости». Надеюсь, новые положения в программе Вашей новой партии будут намного ближе российскому избирателю. И все же, как Вы исходя из вашего опыта считаете, почему правые партии провалились на прошлых выборах? И способны ли основные политические партии, включая оппозиционные, в случае победы на выборах взять на себя ответственность за страну?

– Во-первых, СПС – это микроб. И на его примере доказывать, что что-либо происходит или не происходит в России, просто ненаучно. Партия СПС имела возможность пройти в нынешний парламент, потому что поддержала Путина. Но именно благодаря этому проиграла выборы, потому что стремилась казаться независимой и критиковать власть и одновременно пыталась оставаться лояльной и поддерживать эту власть. Оттого народ не понял зачем ему голосовать за СПС, если есть «Единая Россия»? Зачем ему голосовать за оппозицию, которая не является оппозицией на самом деле. Этот звездный час, когда СПС представлял хоть какие-

2004 год. Кандидат в президенты РФ на встрече со студентами

то отличные от кремлевских интересы, был очень коротким – до тех пор, пока он как партия поддерживал власть. Во-вторых, именно в силу того, что СПС поддерживал власть, он не мог защищать интересы людей. СПС был партией бизнеса, но даже и здесь не смог продвинуть ни низкие налоги, ни снять реальные барьеры, стоящие перед успешным развитием этого самого бизнеса. И в конечном счете раз он решил быть лояльным к власти, ему приходилось во многом соглашаться с правительственной машиной. Чего эта партия, как, впрочем, и «Яблоко», этим добилась, вы знаете. В том числе и поэтому я вышла из СПС.

В целом же не считаю, что в последние пять лет в России были условия сформировать реальные политические партии. Наоборот, некоторые политические партии искусственно маргинализуются. Это прежде всего компартия – она была реальной партией, но сейчас вокруг нее создается слишком много специальных технологий для того, чтобы ее расколоть. Партия власти не является полноценной гражданской организацией – это очередной элемент «потемкинской деревни», часть бюрократической вертикали власти. Что касается демократической оппозиции, то она находится в еще более плачевном состоянии, чем гражданские организации. И это связано прежде всего с незрелостью самой демократии в России. Она не может породить реальных, ответственных, либеральных, мудрых, ши-

рокомасштабных демократических лидеров, потому что не было для этого демократической среды, поэтому все мы, кто представляет демократический лагерь, недостаточно профессиональны и прагматичны для того, чтобы объединяться в союзы и находить компромиссы. То есть не все лидеры демократического лагеря понимают, что политика не есть способ утвердить себя на первой позиции, а есть способ реализовать определенные ценности, а для этого надо уметь договариваться. С другой стороны, политические партии испытывают еще большее политическое давление со стороны Кремля, в отличие от гражданских организаций. Это связано и с законодательством вокруг их регистрации, это связано с отсутствием реального финансирования, потому что дело Ходорковского привело к тому, что капитал боится финансировать реальную оппозицию. К тому же оппозиционные партии отлучены от СМИ, в частности от телеэфира. Исключения были, но они крайне редки. Главные составляющие партийного строительства – финансы, идеология и институт соответствующего лидерства, а также коммуникации нарушены. Поэтому политические партии, как, впрочем, и гражданские институты, на сегодняшний день не готовы брать ответственность за страну, хотя каждый из них может быть пассионарен и биться за это.

– Согласно Вашей точке зрения, инициатива по установлению диалога со всеми ветвями власти, а так-

Один из бывших лидеров СПС теперь полностью в нем разочарован

Благотворительность – одно из важных направлений деятельности И. Хакамада

же с политическими деятелями и партиями должна исходить именно от самих общественных организаций и других представителей институтов гражданского общества. Но Вы же знаете, что слабость многих общественных организаций и гражданских объединений объясняется их прямой зависимостью от отечественных или зарубежных спонсоров либо от властных структур, особенно на региональном уровне.

– Конечно. Именно так должен быть выстроен диалог: снизу, что возможно только при определенном уровне зрелости гражданских организаций. Должна быть инициатива, а не «Помогите нам, деньги дайте!»! Гражданские организации должны уметь находить независимых, неполитических спонсоров и быть готовы поддержать на выборах ту или иную партию, но при условии, что будут сами проверять реальность подписанных соглашений. Если соглашение не работает, то в следующие выборы мы эти голоса у вас заберем и передадим другому. То есть для любой гражданской организации, если она хочет влиять на принятие решения, первой задачей является не о себе везде в газетах заявлять, а сеть создавать, реальную сеть. И здесь вполне уместно напомнить, что Хакамада была первой, кто провела в 1993 году закон «О некоммерческих организациях», по которому они получили статус и возможности для работы.

– Для того чтобы появилась возможность создания сильного

гражданского общества, нужен целый ряд условий, и одно из них – сильное и развитое местное самоуправление. Хотел бы привести цитату из одного из Ваших выступлений: «Без местного самоуправления как широкой низовой демократической сети, реальных полномочий и источников финансирования местных органов власти в России при реализации данного закона ничего хорошего не выйдет». Вы по-

прежнему придерживаетесь этой точки зрения или сейчас можно говорить о том, что наметились какие-то положительные сдвиги, появились улучшения в законодательстве об органах местного самоуправления?

– Местное самоуправление должно быть усилено, а регионы укрупнены. Это обеспечит управляемость огромной страны. То есть, с одной стороны, децентрализация, с другой – усиление местных органов власти. Это означает также, что и все налоги от малого бизнеса, все – даже те, которые делятся между федеральным центром и регионами, надо отправлять полностью местному самоуправлению. Только тогда, когда у местных органов появятся деньги, мы получим стимул к развитию. В этом случае и местный сектор вырастет, как, скажем, в Италии, где он занимает 90 процентов рынка!

Кроме того, по моему мнению, у нас в стране уровень государственного управления настолько ужасен, что сначала надо начинать укрупнение, а только потом постепенно переходить к развитию местного самоуправления. Я всегда поддерживала идею укрупнения, хотя понимаю, что это нужно делать очень аккуратно. Это очень тонкий вопрос, так как интересы здесь сосредоточены огромные и борьба будет дикая.

Правильные налоги – одна из главных задач партии «НАШ ВЫБОР»

Мой главный лозунг – это серьезное сокращение функций правительства с передачей их гражданскому обществу в виде саморегулируемых организаций, сокращение функций министерств, упразднение аппарата правительства.

– Без зрелого дееспособного развитого гражданского общества не может быть сильного государства. В то же время такое гражданское общество немислимо без сильного правового государства, способного защитить своих граждан от внешних и внутренних угроз, обеспечить исполнение им же, государством, принятых законов. Как в свете этого Вы оцениваете принятые по инициативе президента РФ законы, связанные с укреплением вертикали власти?

– Я не считаю, что авторитарная модель власти, которая навязывается людям, смогла хоть что-то продемонстрировать за всю историю России с точки зрения ее эффективности – ни при монархическом развитии, ни при коммунистах, когда была установлена жесточайшая центральная вертикаль власти. Все последующие годы показали, что Россия не может конкурировать с другими государствами, будучи авторитарной страной. Нынешней властью было совершено много ошибок. Первое – не была решена проблема: как совместить свободу, рынок и при этом сильную эффективную социальную политику государства. Вторая ошибка заключалась в том, что, когда в 1996 году, в силу неэффективности политики люди стали отдавать голоса левым, был применен метод манипуляции средств-

вами массовой информации, в результате которого были созданы определенные договорные отношения между олигархами и властью. Нужно было обезопасить себя в дальнейшем, и все это закончилось созданием института наследования власти. В конечном счете, это может привести к кризису политической системы в России. Никакие вертикали власти не помогают в условиях сильной коррумпированности власти и не испытывают никакой политической конкуренции. Моя позиция совершенно другая: свободу, демократию, плюрализм можно совместить с сильной социальной политикой, с эффективной, достойной, элитной армией, которая ответит на реальные угрозы, с действительно профессиональными спецслужбами, которые будут защищать нас от террористических актов. Надо бороться за свободу. В этом суть моей программы.

– Неужели за последние десять лет в отношении власти к обществу и диалога между ними ничего не изменилось? Почему между укреплением властной вертикали и авторитаризмом обязательно должен ставиться знак равенства? И разве понятия «сильное правовое государство» и «развитое гражданское общество» противоречат друг другу?

– Между понятиями «укрепление властной вертикали» и «авторитаризм» я принципиально ставлю знак равенства, потому что авторитаризм предполагает концентрацию и централизацию власти сверху вниз, а не снизу вверх, и не по горизонтали. Именно поэтому при президенте Путине мы получили более жесткую вертикаль. А она как раз и показала, что она неэффективна. Понятия «сильное государство» и «гражданское общество» не противоречат друг другу, но демократия и либерализм предполагают другую интерпретацию сильного государства. Сильное государство в развитой демократии – это государство, которое эффективно исполняет функции, которые предлагает исполнять свободное гражданское общество. И за рамки этих функций оно не имеет права выходить. Сильное государство сильно своей эффективностью, но оно ограничено независимыми судами, независимыми и прозрачными выборами, сроками правления как президента, так и парламента, губернаторов и т.д. И оно огра-

Молодежь была, есть и будет нашей опорой и надеждой

От Москвы до самых до окраин... С национальным ансамблем во время визита в Якутск

ничено теми функциями, в том числе и экономическими, которые может осуществлять в экономике. Сегодня же мы имеем налицо сильное государство, абсолютно неэффективное, но сильное с точки зрения машины подавления. Оно претендует на тотальную монополию во всем: от частной жизни до формирования правил игры и одновременно осуществления функций арбитра.

– Однако сейчас по инициативе президента РФ принят Федеральный закон об Общественной палате, которая, по мнению разработчиков данного закона, должна стать своего рода центром обеспечения действенной двусторонней связи между обществом и властью, в том числе в части проведения общественных экспертиз важных законопроектов, постановлений и распоряжений исполнительной власти в центре и на местах. Как Вы оцениваете этот закон и сможет ли Общественная палата стать действительно эффективным механизмом, который даст хоть какую-то возможность осуществлять общественный контроль за деятельно-

стью огромной государственной машины?

– По-моему, она станет еще одной декорацией. Вы же знаете механизм ее формирования. Президент назначает 42 человек, они подбирают следующих 42 человек, и еще 42 человек делегируют туда регионы. В результате получается вертикаль в целом лояльных людей – тех, кто изначально работал и работает с властью, получает от нее определенную поддержку. То есть это люди, которые как бы заключили негласный контракт с властью и сказали ей: «Мы, ребята, в общем-то ваши». Гражданское общество в той роли, которую вы ему отводите, не должно иметь никакого отношения к власти. Оно должно быть абсолютно независимым от властных структур – ни копейки денег и никаких назначений сверху.

– Ирина, Вы же не идеалистка, а уж тем более не революционерка. Ни в одной стране мира нет абсолютно независимого от власти гражданского общества, и наоборот. Кстати, во Франции-то Общественную палату назначает президент...

– Меня не интересует Франция. Мы по ее пути уже пошли и вон сколько напороли.

– Но в нашей-то Общественной палате в отличие от Франции никаких «партайгеноссе» не будет и высоких государственных чиновников не будет, как, впрочем, депутатских зарплат и всяких депутатских или министерских привилегий и льгот.

– Да, в законе написано, что в этой палате не присутствуют ни политики, ни депутаты. Это правильно.

– Да, правильно. Мне кажется, что если в палату войдут лидеры независимых, насколько это возможно, общественных организаций, известные и авторитетные в обществе люди (пусть и по рекомендации президента), то эта структура будет во многом отличаться от себе подобных тем, что Общественная палата будет работать не при президенте РФ, но сможет апеллировать к нему по результатам общественных экспертиз важнейших законопроектов и решений исполнительной власти.

– Дай вам Бог счастья. Я считаю, что президент только должен устанавливать

рамочки и правила игры, причем сформулированы они должны быть не так, как хотят представители его администрации, а на основе того, что предлагают люди, которые имеют безупречную репутацию. Такие люди в России есть.

Однако все знают, что сейчас идет торг, кто и как туда попадет. Поэтому я и говорю: «Флаг вам в руки, если сумеете что-нибудь сделать». Я знаю многих уважаемых в обществе людей, в том числе и лидеров правозащитных организаций, Людмилу Алексееву, например, да и многих других, кто готов вести диалог с властью и отстаивать свое мнение. Но если говорить о модернистском, а не традиционалистском развитии, то, конечно, такую палату надо делать по-другому. Надо просто дать всем гражданским организациям без исключения равные экономические возможности. И общество будет развиваться, саморегулироваться, оно само будет создавать свои конгрессы, палаты. Его представители будут писать петиции и разные обращения к власти, присутствовать на заседаниях в парламенте, иными словами, проявлять всестороннюю активность. Таким образом, оно вырастает в зрелое общество, которое потом будет само нанимать власть. Но большая часть из наших высших госчиновников не хочет быть наемными, они сами хотят нанимать все общество. И называется это традиционализм.

– Говорят, что фамилию Хакамада род Вашего отца получил вместе с земельными владениями за верную и хорошую службу. Эти качест-

ва, надо полагать, и Вы унаследовали от предков, они, должно быть, у Вас в крови, семейная традиция. А кому и чему Вы служили и служите сейчас?

– Служу России, а Россия для меня – это люди, обыкновенные маленькие человечки. Я служу, собственно, тем, кто никогда во внимание властью в России не принимался. Не был объектом внимания. Всегда были объектом большие проекты и идеи, а маленький человек никого не интересовал.

– **Современные социологические исследования показывают, что граждане России стали более позитивно относиться к перспективе избрания женщины на пост президента нашей страны. По самым новым данным одного из центров социологических исследований 64% респондентов считают, что женщина может занимать руководящие посты, в том числе и должность президента России. Ответы на вопрос «Если бы на пост Президента России баллотировались только женщины, то какую кандидатуру Вы бы поддержали?» распределились следующим образом: 18,1% набрала Валентина Матвиенко, 15,5% – Любовь Слиска, 12,5% – Ирина Хакамада, 5% – Валентина Терешкова. Однако многие считают, что ситуация, когда Россией правит женщина-президент, невозможна. В частности, когда в качестве аргумента «за» приводят имена императриц Елизаветы или Екатерины II, многие опро-**

Презентация книги «Я работаю политиком». Автографы для читателей обязательны

шенные указывают на то, что эти женщины на самом деле не правили Россией, от их имени реально управляли страной приближенные к ним мужчины, их ближайшее окружение, и в том случае, если женщина будет избрана президентом, ситуация повторится. Как Вы считаете, с чем связано подобное мнение? Себя бы Вы могли представить президентом России?

– Я считаю, что Россия – страна патриархальная. И первый признак монополии мужчин в России – их монополизация политической деятельности. Да, у нас были царицы, и они неплохо правили, и не всегда за счет того, что были окружены мужчинами, а вырабатывали свои собственные решения. Все-таки они получали престол разными путями, но в рамках монархических представлений. В демократической России женщина может быть президентом, потому что женщины находятся в постоянном развитии и самосовершенствовании, они острее воспринимают многие проблемы граждан, в частности социальные. Демократическое общество предполагает более современный, менее традиционалистский взгляд на женщин в политике. Мы к этому идем, но это будет лет через 15. А на сегодняшний момент... Женщина тоже может стать пре-

Верно и искренне служить людям – традиция рода Хакамада. В Японии на могиле отца

Молодые спортсмены г.Чебоксары рады приветствовать Ирину Хакамада

зидентом России. Даже в 2008 году. Например, это может быть и Валентина Матвиенко, и Любовь Слиска. Но при одном условии: если политическая элита, верхушка власти, включая президента, его окружение, назначат женщину преемником. А дальше по старой схеме: назначают премьер-министром, например, Матвиенко, а потом она двигается на президентские выборы.

– **Вы являетесь лидером новой политической партии «НАШ ВЫБОР», и Ваша партия наверняка собирается принять участие во всех грядущих выборах. Как Вы оцениваете переход к новой, пропорциональной системе, и, в частности, не ограничивает ли она возможности представителей различных политических течений и партий, которые, в сущности, не являются массовыми, общероссийскими, не загоняет ли она демократию в некие жесткие рамки? И с какими политическими силами Вы готовы вступить в коалицию?**

– Я готова вступить в широкую коалицию со всеми представителями демократической оппозиции, причем включая даже представителей с более социал-демократическими, то есть более лево ориентированными взглядами. Потому что считаю, что надо исправлять ошибки. Сейчас как партия, которая находится в оппозиции, мы выводим на улицы, на митинги людей, защищая интересы предпринимателей, когда они грубо нарушаются, в том числе и в столице России. Мы пытаемся в своей программе выдвинуть идею, что только за

счет маленькой собственности, которая займет 70% рабочей силы, можно создать такое количество рабочих мест в России, чтобы люди смогли зарабатывать деньги, обеспечивать себя и чувствовать себя самодостаточными в рыночной экономике. И мы поэтому движем в своей программе идею пропорциональной шкалы налогообложения – пропорционального подоходного налога и минимальной плоской шкалы налогов для предприятий.

– **Вы были членом жюри российской литературной премии «Национальный бестселлер». Как Вы бы оценили сегодняшнее положение дел в современной российской литературе, тенденции ее развития и что Вы можете сказать о современных российских авторах, есть ли среди них заслуживающие особого внимания талантливые личности?**

– В России литература развивается. Много хороших литераторов, другое дело, что нет исторических и масштабных личностей. Но это связано с тем, что Россия сегодня переживает переходный период, когда есть определенная свобода, а в свободе творить труднее. В условиях подполья был протест, и на этом протесте возникали гениальные произведения. Русский человек привык творить под давлением. Свобода ему иногда мешает, а с другой стороны, нет больших тем, потому что наше полудемократическое, полуавторитарное развитие уничтожает личность, поэтому не возникает интереса думать о масштабном. В России все убегает в мистику,

фантастику, в стиль фэнтези, в стиль сатиры, но это такое настроение страны. Я считаю, что талантливых личностей очень много.

– **2005 год для нашей страны – год не самый обычный. В этом году исполнилось 60 лет Великой Победе нашего народа в Великой Отечественной войне. В чем, по Вашему мнению, заключается особенная важность этой даты для нашей страны?**

– Это великая дата. Это великая Победа над нацизмом, который угрожал всей стране и миру. Эту Победу совершил народ. Не Сталин, а народ. Благодаря великому мужеству. А Сталин ответственен за большое количество жертв во время войны и за те репрессии, которым он подверг русский народ. Он мог бы побеждать менее жертвенно, во-первых, если бы мы были готовы к войне, а не заигрывали бы с Гитлером, а во-вторых, если бы во время войны и после войны не уничтожали бы в ходе репрессий огромное количество истинных патриотов от обыкновенного солдата до генерала.

Подготовил Андрей Тимофеев

Покой нам только снится...

Все время в движении, все время в пути вперед